

❧ *Любовь, интрига, тайна* ❧

Читайте романы Ирины Мельниковой – прекрасные истории о вере, надежде и любви:

Любовно-исторические:

Антик с гвоздикой

Грех во спасение

Александра – наказание Господне

Невеста по наследству

Фамильный оберег. Закат цвета фламинго

Фамильный оберег. Отражение звезды

Фамильный оберег. Камень любви

Любовно-криминальные:

Дрянь такая!

Ржавый Рыцарь и Пистолетов

Дикая Лиза

Нянька для олигарха

Мой ласковый и нежный мент

Колечко с бирюзой

Неоконченный романс

Роман с Джульеттой

Горячий ключ

Формула одиночества

Стихийное бедствие

От ненависти до любви

Небо на двоих

В соавторстве с Георгием Ланским:

Ключи Пандоры

Лик Сатаны

Ярость валькирии

Сериал «Агент сыскной полиции»:

Агент сыскной полиции

Талисман Белой Волчицы

Финита ля комедия

Сибирская амазонка

Бесы Черного городища

Ирина Мельникова

РЖАВЫЙ РЫЦАРЬ И ПИСТОЛЕТОВ

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М48

Редактор серии *А. Антонова*
Оформление серии *А. Зининой*

Мельникова, Ирина Александровна.
М48 **Ржавый Рыцарь и Пистолетов : [роман] /**
Ирина Мельникова. — Москва : Эксмо,
2025. — 352 с.

ISBN 978-5-04-212433-4

Страшное, горькое время наступило в жизни известной писательницы Дарьи Княгичевой. Она потеряла одного за другим самых близких, любимых мужчин. Первым ушел из жизни ее друг и учитель — знаменитый писатель Арефьев, который сам себя называл Ржавым Рыцарем. Двое других — любимый и друг детства — погибли лютой смертью... И Дарья чувствует свою причастность к их гибели. Тем более что другой мужчина, тоже когда-то много значивший для нее, похоже, замешан в этих преступлениях. И если убийство любимого — олигарха Павла Свиридовского — всколыхнуло всю общественность, не только в ее родном городе, но и в стране, то смерть школьного друга, художника Оляли, компетентные органы посчитали несчастным случаем. Но Даша знает, что это не так. Она отваживается поделиться своими подозрениями со следствием. Зло должно быть наказано!..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-212433-4

© Мельникова И., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

*Дине Будариной,
Константину Цитлидзе,
Юрию Лалетину с любовью
и благодарностью
за дружескую поддержку
и участие.*

Автор

Все расхищено, предано, продано,
Черной смерти мелькало крыло,
Все голодной тоскою изглодано,
Отчего же нам стало светло?
И так близко подходит чудесное
К развалившимся грязным домам...
Никому, никому не известное,
Но от века желанное нам.

Анна Ахматова

Автор романа серьезно предупреждает: все его герои абсолютно вымышлены, все их поступки и случившиеся события исключительно на совести автора и его буйной фантазии. Простите, но он не виноват, если кто-то узнал себя! Такова жизнь, братцы и сестры!

Всем, кого недолюбили...

ГЛАВА 1

Чернота, чернота кругом... Только сполохи далеких зарниц освещали ей путь в длинном и пустом коридоре. Хотя нет, это совсем не коридор. Над головой нависло низкое, усыпанное звездами небо. Кажется, протяни руку — и достанешь до самых крупных из них. Она и впрямь протянула руку, и одна звезда вдруг сорвалась с небосвода и полетела, прочертив за собой огненный след... Казалось, звезда падает

прямо на нее. Сердце замерло от ужаса, она понимала, что надо бежать, бежать... Ноги приросли к земле, и она закрычала от безысходности, осознав, что через мгновение ее не станет... Но звезда уже лежала в ее руке... Холодная и безжизненная. И не звезда это была, а огромный бриллиант, подобный она видела недавно в Алмазном фонде, однако, как ни старалась, не могла припомнить его название. Вроде бы он украшал одну из диадем императрицы... Однако там он был не один, а в компании с изумрудами и дюжиной своих собратьев, только меньших по размеру... И тут она увидела ту самую диадему. Она валялась у ее ног, как самая обыкновенная вещица, дешевая, украшенная стразами безделица. Но камни сверкали и переливались, отсвечивали на каменных стенах коридора цветными радугами, подтверждая ее баснословную ценность.

Страх исчез, на смену ему пришло любопытство. Она подняла диадему, надела на голову. И та пришлась ей впору. Тотчас она увидела себя со стороны, словно кто-то поднес и поставил перед ней огромное, без оправы зеркало. Тяжелое бархатное платье с длинным шлейфом облегло статную фигуру. Темные волосы были уложены в старинную, высоко взбитую прическу с буклями на висках. И диадема в них смотрелась кстати, словно заняла давно ей положенное место...

— Отдай! — раздалось тихое за ее спиной.

Она быстро оглянулась. Никого! И спрятаться негде. Коридор был прямым, без поворотов и изгибов. Она опять услышала это тихое «Отдай», произнесенное с явной угрозой. Голос, казалось, шел из стены. Она сделала шаг, другой и увидела старуху, сгорбленную, с клюкой, которая внезапно, как изображение на старой фотопленке, проявилась на фоне стены. Ее маленькие злобные глазки отсвечивали в темноте красными огоньками. Бабка погрозила ей клюкой и выкрикнула пронзительно:

— Отдай, греховодница! Иначе пропасть тебе в геенне огненной!

— Не отдам! — выкрикнула она в ответ и прикрыла диадему руками. — Мое это! Моя звезда...

— Сука ты, — сказала вдруг бабка голосом известного критика Аристарха Зоболева и добавила уже хриплым баском Паши Лайнера: — Век свободы не видать, мама родная!

Подхватив за края юбки своего роскошного платья, она опрометью кинулась вперед по коридору. Позади гремели чьи-то шаги, кто-то сипло ругался матом и зловонно дышал ей в спину. Но она мчалась изо всех сил, будто решила поставить мировой рекорд скорости, и молила об одном: только бы не споткнуться, не растянуться на полу, не потерять диадему...

Вдруг впереди мигнул лучик света, и она увидела низкую дверь в конце коридора. Дверь была обита старым байковым одеялом и чуть приотворена. И она поняла, что дверь открыта для нее. Рванула ручку на себя и шагнула в облако, которое окутало ее с головы до ног. Она почувствовала, что парит в воздухе, а на душе вдруг стало легко-легко и спокойно. Исчезли жуткие звуки погони за спиной, и она сделала новый шаг в глубь баньки. А это действительно была банька. Чистая деревенская, с кедровым полком и развешанными по стенам березовыми вениками.

На деревянной лавке перед ней сидел человек, завернутый в белую простыню. Она охнула, испугавшись вдруг своей наготы перед незнакомым мужчиной, и вдруг заметила, что тоже закутана в простыню. Но диадема, в отличие от платья, странное дело, не исчезла, сидела на голове как влитая, только прическа изменилась, стала прежней, а-ля Ирина Хакамада.

— Радость моя, здравствуй! — сказал тихо человек, и она опять охнула, но уже радостно, узнавая и не веря себе.

— Ржавый Рыцарь! Ты здесь?

Она бросилась к нему, упала на колени, прижалась щекой к его ладони. Та была холодной как лед, хотя в бане было жарко, очень жарко.

— Девочка моя, — сказал он ласково, — не плачь!

— Я не плачу, — соврала она, хотя слезы хлынули потоком.

— Ты — сильная, — сказал он ласково, — ты справишься.

Человек поднялся на ноги. Он был чрезвычайно худ и высок ростом. Длинные седые волосы стягивала на лбу черная траурная повязка. Он положил ей ладонь на голову, туда, где только что была диадема.

— Не предавай память. — Голос его прервался.

Она схватила его за руку, но поймала пустоту.

— Не уходи! — закричала она не своим голосом. — Ржавый Рыцарь, миленький, не уходи!.. — И проснулась.

Лицо, ладонь, что она держала под щекой, подушка — все было мокрым от слез. В номере невыносимая духота, а может, у нее просто поднялась температура? Ведь с вечера ее долго трясло в ознобе, пока она не хлебнула из плоской фляжки, которую всегда брала с собой в поездки.

Даша подняла голову. Форточка была открыта. Видно, все-таки вставала ночью. Но она не помнила ничего, все перебил этот сон...

Серый сумрак сочился сквозь окна. Господи! Ржавый Рыцарь — вспомнила она и быстро опустила ноги с кровати. Рука потянулась к телефону, палец привычно крутанул наборный диск.

— Алло? Кардиология? — спросила она севшим после сна голосом. — Я хотела узнать... Арефьев Дмитрий Олега...

— Скончался, — равнодушно ответила трубка прокурренным голосом дежурной медсестры. — В четыре часа отмаялся, горемычный...

Трубка выпала из рук. Даша некоторое время сидела, тупо уставившись в одну точку. Болтавшаяся на шнуре трубка исходила частыми гудками, а в ее голове звенела, ныла, стонала скрипичная струна. Даша прижала пальцы к вискам. Струна, взвизгнув, лопнула, и слова застучали молоточками в ее голове, его последние слова. Та самая фраза, которую она слышала во сне... «Не предавай память... Не предавай... Не предавай...» Голос Ржавого Рыцаря метался по комнате, а может, это металась она, Даша Княгичева, жалкая, беспомощная баба, осознавшая свое одиночество в этом огромном, беспощадном мире. Она

рвала на себя оконную раму, не замечая, что та намертво забита огромным гвоздем. Ей не хватало воздуха, она задыхалась... Но вид этого кривого гвоздя неожиданно вернул ей здравый смысл.

«Что я делаю?» — пронеслось в голове. Она подошла к столу, достала из сумки записную книжку, нашла телефон Союза писателей. Затем взглянула на часы. Восьмой час... Вряд ли дозвонишься... Но, к ее удивлению, трубку взяли сразу. Незнакомый женский голос деловито сообщил, что с телом Дмитрия Олеговича Арефьева можно проститься завтра в здании городского музея с одиннадцати до шестнадцати часов дня. Потом его отвезут в Сафьяновскую, бывшую казачью станицу, где он жил в последнее время, там состоится гражданская панихида и отпевание в местной церкви. Похоронят его тоже на местном кладбище рядом с могилой дочери. Все это союзписательская дама сообщила деловито, по-будничному сухо, казалось, ей было не впервой провожать в последний путь великих русских писателей.

— Спасибо, — тихо сказала Даша, хотя с языка рвались совершенно другие слова. Горькие, несправедливые... С трудом, но она сдержалась, ведь эта женщина ей совсем не знакома, возможно, подобным образом она пытается скрыть свое горе. Даша представить себе не могла, чтобы кто-то мог сейчас испытывать иные чувства. И женщина на том конце провода, видно, поняла ее состояние, потому что спросила уже другим голосом, скорбным и до боли знакомым:

— Вы кто? Родственница? — Это была Мира, секретарь Дмитрия Олеговича, но что она делает в Союзе, порог которого уже лет десять не переступала ее нога после того непотребного, злобного письма, подписанного сворой негодяев, смевших называть себя писателями? Однако в равной степени ее ненависть распространялась и на Дашу, потому что она знала об их отношениях с Арефьевым гораздо больше, чем кто-либо другой...

Но сейчас она явно не узнала ее. И Даша не решилась представиться.

— Просто читательница, — произнесла она глухо, — мои соболезнования...

— Дама, — голос Миры вновь стал сухим и бесцветным, — я понимаю ваши чувства. Но вы не одиноки в этом. Не занимайте телефон.

Даша поспешно опустила трубку на рычаг. Она так и не поняла, узнала ее Мирка или нет. Похоже, не узнала, но обращение «дама»? Слишком знакомо это прозвучало... Уничижительный тон, презрительные интонации. Именно так злобредная секретарь Арефьева обращалась к ней при встрече: «Эта дама... Вы, дама... Дама в шляпе...»

— Крыса! — выругалась Даша. — Старая вонючая крыса!

Она потянулась к начатой пачке «Мальборо», но вспомнила вдруг свой зарок не курить больше двух сигарет в день и ни в коем случае на пустой желудок. Под ложечкой тотчас заныло, Даша поняла, что от голода, потому что последний раз она ела вчера в самолете, то есть почти двадцать часов назад. Она открыла холодильник и тупо уставилась на его полки. Пластиковая бутылка с местной минеральной водой, пакетики сока, несколько флаконов в боковом отделении. Она перебрала их. «Мартини», коньяк «Московский», виски... Странное сочетание, хотя... вполне обычный гостиничный набор. Где же все-таки пельмени? Она приобрела их, чтобы сварить на ужин, потому что знала — в номере есть крохотная кухня, но забыла про все, лишь перешагнула его порог. Тогда звонил телефон, и она бросилась к нему, но лучше бы не подходила...

Даша огляделась по сторонам. Так и есть. Яркий пакет валяется в прихожей у порога. Она заглянула в него. Пельмени, естественно, превратились в безобразное месиво, которое она, брезгливо сморщившись, отправила в мусорное ведро. Следом полетел пластиковый контейнер с дурно пахнущим салатом оливье и пакетик прокисшего в жаре молока. «Вот и позавтракала», — мрачно констатировала она и тут вспомнила, что в стоимость номера входит завтрак или ужин по усмотрению жильца. Она

нашла в списке, висящем на самом видном месте над телевизором, телефон гостиничного ресторана и заказала еду в номер.

К ее несказанному удивлению, заказ приняли безоговорочно и даже безропотно выслушали ее инструкцию по приготовлению чашечки настоящего, ни в коем случае не растворимого, черного кофе. Обязательно в турке, полторы ложечки... кусочек рафинада... И никаких сливок...

Завтрак принесли через полчаса. За это время Даша успела принять душ, высушить феном волосы и сделать макияж. Обычный утренний обряд. Все это она делала механически, стараясь думать о чем угодно, только не о том, что Дмитрия Олеговича уже нет в живых. Взгляд то и дело останавливался на телефоне. Нужно позвонить... Но кому? В Союз писателей? Ни в коем случае! Оляле? Но он наверняка еще спит. Раньше одиннадцати он трубку не берет, даже гори все вокруг ясным пламенем. Таньке и Маньке? Те, вернее всего, уже в Союзе. Как можно обойтись без главного распорядителя Татьяны Сергеевны Гусевой? И когда еще представится ей подобный случай проявить свои организаторские таланты?

Даша обхватила голову руками и застонала. Ну как она могла не почувствовать, что ее Ржавому Рыцарю плохо? Третий инфаркт, как она его боялась! Еще неделю назад перед отъездом в Москву требовала по телефону, чтобы он непременно лег в военный госпиталь, подлечился, отдохнул. Но он спешил закончить второй том воспоминаний и смеялся над ее страхами...

Слезы опять потекли по щекам, и Даша бросилась в ванную подправлять макияж. В этот момент постучали в дверь номера, и она так и встретила официанта с поплывшими ресницами и жалкой улыбкой на лице.

— Сегодня омлет с грибами, — сообщил молоденький мальчик со свежей розовощекой физиономией и в форменном сюртучке. На его баджике значилось: «Сева», и Даша произнесла его имя про себя. Оно звучало сочно и по вкусу смахивало на омлет, который и внешне выглядел очень аппетитно.

Молодой человек расставил тарелки, разложил ножи и вилки, достал и расправил сложенную конвертиком льняную салфетку.

— Кофе? — спросила Даша.

Официант снял с турки колпачок-утеплитель из веселенького, в цветочек ситца.

— Все в наилучшем виде. Как дома, с пылу с жару, — произнес он радостно и столь искренне, что Даша невольно улыбнулась в ответ.

Сева явно копировал трактирных половых той эпохи, которая казалась Даше немислимо далекой, а ему наверняка античной древностью. Он ловко нарезал омлет, посыпал его зеленью, налил кофе в крохотную фарфоровую чашечку, намазал тосты маслом, выложил на тарелочки бутерброды с ветчиной и крохотную шоколадку. Все это заняло не более двух минут.

Даша покачала головой. Куда столице до подобного сервиса!

— Кушайте на здоровье! — Сева выпрямился. — Приятного аппетита!

— Вам повезло, что я люблю омлет с грибами, — заметила Даша и вежливо поинтересовалась: — А как насчет других гостей, у которых на грибы аллергия? — Ей вдруг захотелось найти хоть одно упущение в обслуживании, чтобы не впадать в эйфорию по поводу такой предупредительности.

— Дарья Витальевна, — молодой человек расплылся в улыбке, — мы запомнили ваши вкусы еще с тех пор, когда вы у нас останавливались. А для остальных гостей у нас есть несколько вариантов: с ветчиной, помидорами, сыром... И бутерброды тоже по желанию...

— Удивительно, — Даша улыбнулась, — как я это упустила? Вчера по старой командировочной привычке купила пельмени...

— Если желаете, наш повар приготовит их. Как вы любите? С бульоном, уксусом, сметаной?

— Спасибо, но пельмени пришлось отправить в мусорное ведро. Я забыла положить их в холодильник.

Паренек скривился.

— Понимаю. Вы очень расстроены. Сегодня утром сообщили, что умер Арефьев. Я слышал, — он приложил руку к груди, — вы были очень дружны с ним.

Даша в удивлении подняла брови.

— Вы знаете Арефьева? Никогда не думала, что его читает молодежь!

— Мы его повести в школе проходили. Наша учительница литературы Галина Михайловна просто фанат какой-то книги Арефьева. Мы даже ездили после десятого класса в Сафьяновскую, работали на строительстве библиотеки. Дмитрий Олегович приходил к нам по вечерам и пел песни у костра под гитару. Здорово было!

— А вы читали его последний роман?

— «Забытые под снегом»? — Сева виновато пожал плечами. — Пробовал, но не смог осилить. Слишком тяжело. Вы правы, наверно, мы привыкли к тому, что легче.

— К моим книгам, например, — усмехнулась Даша. — Это действительно гораздо легче.

— Нет, у вас другое! Моя мама ваши книги раз по десять перечитала, и подружки в очередь стоят. Папка на экскаваторном работает, сроду книжек в руках не держал, кроме тех, что по автомобилям, и то, смотрю, читает. У вас правда другое.

Паренек искренне хотел сделать ей приятное, и Даша протянула ему пятьдесят рублей:

— Возьмите, Сева, это за комплимент!

— Спасибо, — официант покраснел, — честно сказать, я здесь недавно и еще не привык к чаевым. — Он замялся. — Вы долго пробудете в Краснокаменске?

— Пока не знаю, но никак не меньше недели, — ответила Даша.

— Тогда в самый раз, — обрадовался Сева. — У мамы скоро день рождения. Я куплю ей ваши последние книги в подарок, а вы подпишете их, если нетрудно?

— Нетрудно! — улыбнулась Даша. — Приносите книги, обязательно подпишу их для вашей мамы.

Официант покинул номер, а Даша принялась за завтрак. Омлет, конечно, за разговорами остыл, кофе — тоже, и хотя был сварен точно так, как она заказывала,

напомнил ей по вкусу чернила, которыми в детстве заправляли школьные авторучки. Правда, сегодня все для нее утратило и вкус, и цвет, и запах!

И все же она расправилась с завтраком подчистую. По прежнему опыту она знала, что в сегодняшней суматохе вряд ли получится пообедать. А ей нужно набраться сил, чтобы справиться с горем и вынести встречу с теми, кого она презирала всей душой. Обида до сих пор жила в ее сердце. Не за себя, за Арефьева. Ей захотелось снова увидеть их лица — все во здравии, все живы, у всех холеные, сытые рожи. Когда-то они посмели обвинить Дмитрия Олеговича в популизме, назвали его роман конъюнктурным, лживым, порочащим подвиг советского народа в Великой Отечественной войне. И это заявляли люди, которые родились уже после войны или в ее начале. Люди, не нюхавшие пороха, не питавшиеся дохлой кониной, не лежавшие под огнем противника в блиндаже из мерзлых трупов немецких гансов и русских иванов — всех вперемешку... Но стыд глаза не ест, и наверняка фамилии этих подонков появятся завтра в газетах под официальным некрологом. Возможно, не всех, но в подавляющем большинстве...

— Иуды! Сволочи! — Даша привычно выругалась. — Слетится воронье кости клевать!

Она посмотрела в окно. Там окончательно рассвело, но повалил снег, от этого в номере было сумрачно и неуютно. И Даша опять включила свет. Затем позвонила в ресторан, чтобы забрали посуду.

Вместо Севы появилась высокая рыхлая девица с фиолетовыми, сложенными куриной гузкой губами. Она молча составила посуду на сервировочный столик и, презрительно дернув плечом в ответ на Дашину десятку, удалилась по-английски, не прощаясь. Правда, чаевые забрала, хотя Даша ясно прочитала в ее глазах, что девица думает о ней и одновременно обо всех прижимистых столичных суках...

Плохое настроение официантки Даша отнесла полностью на счет похмельного синдрома. Девица сосала таблетку «Рондо», явно чтобы только освежить дыхание.

К тому же на ее полной с ранними морщинами шее ясно просматривались следы бурно проведенной ночи, и тут Даша неожиданно позавидовала ей. По правде, она сейчас тоже нуждалась в подобной разрядке, может, не столь кипучей, но как хотелось проснуться утром рядом с тем, кому она решилась бы рассказать, как ей плохо сейчас! До паскудства! До полнейшей безнадёги! Кому сказать, кому пожаловаться, что ты, такая красивая, уверенная, внешне счастливая, в душе чувствуешь себя старой паршивой собачней, которую хозяева выбросили в мороз, в ледяные порывы ветра, в снег под забор...

Она открыла чемодан. Сегодня надо одеться удобно, но так, чтобы у всех местных матрон зрачки свело в кучку. Даша выбрала черные кожаные брюки, темно-серый с высоким воротом тонкий свитер и кожаный жилет. Стильные остроносые ботинки, маленькая, по голове, шапочка из белого меха, красный канадский пуховик, длинный шарф. Скромно, элегантно и для умного — достаточно! Достаточно, чтобы проглотить язык от зависти...

Даша злорадно ухмыльнулась в зеркало. Теперь она может позволить себе одеваться скромно, потому что давно уже поборола комплекс нищенки, когда скупала половину бутика, а после не знала, что делать с этой проврой нарядов.

Она покрутилась перед зеркалом, проверив придирчиво каждую деталь своего туалета. Не выпадает ли она из общего ансамбля, соответствует ли выбранному стилю? Сегодня у нее трудный день, и наряд должен помочь ей сохранить самообладание, даже если ее в открытую будут провоцировать на скандал. Подвоха следовало ожидать и от юных шакалов-газетчиков, и от телевизионщиков. Тайных и явных недоброжелателей у нее, как у каждого, посмеявшегося выползти из общей колеи человека, было более чем достаточно. Возможно, сегодня-завтра у этой своры хватит такта не цепляться к ней, но потом они возьмут реванш, и, скорее всего, после похорон Арефьева, чтобы не дать ей собраться с духом.

Здесь, в провинции, еще не знают, что она хорошо ус-

воила закон столичных джунглей: «Бей первой! И сразу под дых!» Равно как и поняла, что после подобного удара можно говорить и делать все, что твоя душа пожелает, пока противник вновь не обретет способность дышать! Но дыхание у него при этом все равно будет слабое и поверхностное!

Даша усмехнулась. Чего вдруг она разошлась? Она вернулась в свой город победителем. А победителей, как известно, не судят. В глаза, естественно, а за глаза, черт с ними, пусть злословят. Она осмотрела пальцы. Ногти в порядке, не стыдно будет сунуть руку для поцелуя...

И снова взглянула на часы. Четверть девятого. Рановато! Даша вздохнула. Конечно, в череде обязательных церемониальных расшаркиваний и вежливых поклонов будут приятные моменты встречи с друзьями. Но их у нее почти не осталось. Даже Таньку и Маньку можно назвать только хорошими приятелями, но никак не друзьями. Друзья не кричат: «Порви ее! Порви!», когда на тебя бросается злобная стая... Разве только Оляля? Добрый старый проходимец и плут Оляля! Ляля, Лялька...

Даша опять бросила взгляд на телефон. Ну, Лялька же, проснись наконец и позвони! Неужто не чувствуешь, как плохо и тоскливо твоей Дашке в этом когда-то любимом ею городе?

И, словно в ответ на ее немой призыв, телефон зазвонил — резко, требовательно, словно всю ночь копил силы для этого надрывно-пронзительного звонка.

Она подняла трубку.

— Не смей отключаться! — приказали на том конце провода. — Знаю, ты прилетела вчера. Я видел, в твоём номере горел свет. Я позвонил с мобильного, но ты бросила трубку. Почему не хочешь ни поговорить, ни встретиться со мной?

— Я не думала, что ты настолько туп, чтобы не понять с первого раза, — сказала она на удивление самой себе совершенно спокойно. — Два раза на одни грабли не наступают.

— Даша, почему ты не захотела лететь нашим самолетом? — Этот человек имел поразительную способность

не реагировать на оскорбления. В нужный момент он просто их не слышал.

— Я не служу в вашей компании! — отрезала она. — И не привыкла к спонсорским подачкам! Всегда плачу за себя сама!

— Но здесь особый случай, — не сдавался самый большой упрямец из тех, кого она когда-либо встречала в своей жизни. — Мы смогли бы поговорить во время полета.

— Как ты это себе представляешь? Два воркующих голубка на фоне твоего разлюбезного Марьяша и его прихлебателей? Кстати, он прибыл, чтобы отдать последний долг? Или доверил это тебе, гражданин Пистолетов?

— Брось дуристь! — по голосу чувствовалось, что она все-таки достала его этим «Пистолетовым», но, к чести своей, Владислав Макаров умел держать себя в руках. — Я знаю, что ты порядочная язва, но я люблю тебя и хочу видеть.

— Вот только этого не надо! — прошипела она в ярости. — Никаких «люблю», никаких «видеть»! Проехали, гражданин Пистолетов, и вокзал, и старую баню! И не звоните мне больше! Никогда!

Она бросила трубку и перевела дыхание. Нет, все-таки она не научилась держать себя в руках. Ведь как хорошо сначала вела свою линию, а под конец сорвалась, слетела с тормозов и орала в трубку, как последняя истеричка, хорошо, что не перешла на визг.

Даша достала из сумочки образок Пресвятой Казанской Богоматери, перекрестилась и поцеловала его. Затем надела пуховик, оглядела напоследок комнату: не забыла ли чего, и вышла из номера. Телефонный звонок настиг ее за дверью, но она не вернулась, хотя душа рвалась и молила взять трубку. Но Даша привычно стреножила ее, а после посадила на цепь.

Дежурный администратор, принимая ключи, приветливо ей улыбнулась, однако Даша спиной почувствовала ее скептический взгляд. И лишь круче вздернула подбородок. «Здравствуй, Краснокаменск! Сколько новых оплеух ты мне приготовил?»

ГЛАВА 2

На улице по-прежнему валил снег. Ветки синих тянь-шаньских елей, окруживших гостиницу плотной стеной, обвисли под его тяжестью. Автомобили двигались с включенными огнями, над рекой стоял туман, а новый коммунальный мост, соединивший левый и правый берег, казалось, возлежал на облаке. Было тепло, безветренно и прямо-таки сказочно красиво. Даша сняла варежку, протянула руку навстречу снежинкам. И тотчас стоявший неподалеку автомобиль с шашечками на боку ловко развернулся почти у Дашиных ног. Дверца приглашающе распахнулась, водитель весело поинтересовался:

— Куда доставить принцессу?

— На правый берег, в Запруднево.

— Знаем, — расплылся в улыбке таксист, — сами там живем. Но, дамочка, согласитесь, снег, гололед. За двести рублей поедем?

— Поедем, — вздохнула Даша, — надеюсь только, вы не маньяк?

— Маньяк? — опешил водитель. — С чего вы взяли?

— Сам подрулил, — ответила она. — Обычно я не сажусь к таким водителям и первую в очереди машину никогда не беру.

— А что, встречались с маньяками? — весело поинтересовался водитель.

— Нет, — улыбнулась Даша в ответ, — не испытала подобного счастья.

Она села на переднее сиденье. И вдруг в зеркальце заднего обзора заметила черный джип с тонированными стеклами, и хотя у него были краснокаменные номера, сердце ее екнуло. Только один человек на свете мог так лихо остановить машину впритирку к гостиничному крыльцу. Она не ошиблась. Влад вышел из машины. Все такой же подтянутый, с прямой спиной, без малейшего намека на живот. Длинным черным пальто и белым шарфом (не хватало лишь шляпы с твердыми полями) он напомнил ей вдруг чикагских гангстеров тридцатых годов, такими их любил изображать Голливуд. И все же она не-

много покривила душой. Макаров нынче смотрелся более импозантно, чем в форме, только стрижка осталась прежней, очень короткой, и волосы сильно поседели.

— Закрывайте дверцу, едем, — сказал водитель, заметив, что пассажирка одной ногой все еще на улице. — Выстудите салон.

Она послушно захлопнула дверцу. Влад уже входил в гостиничные двери. И она наконец перевела дух. Оказывается, в этот момент она забыла, что надо дышать.

— Эге, — многозначительно заметил над ее ухом таксист, — какие люди в нашем Копай-городе объявились! С чего это генерал опять нашу волну рассекает?

— Какой генерал? — спросила она, стараясь изо всех сил, чтобы ее голос звучал равнодушно.

— Да бывший начальник краевой милиции. Владислав Макаров. Крутой был мужик, однако! За три года всех местных жуликов к ногтю прижал. Мы уж думали, в губернаторы пойдет, только в Москве быстрее сообразили, что к чему, и к себе забрали! Правда, вскоре сняли. Говорят, то ли проштрафился, то ли вовремя не прогнулся.

— Такова судьба всех генералов! — усмехнулась она.

— Ты здесь в командировке, что ли? — таксист почему-то воспринял ее улыбку неадекватно и перешел на «ты». — И как такую красоту муж из дома отпускает?

«Ну вот, началось! Их что, на специальных курсах обучают, как с одинокими пассажирками заигрывать?» — подумала она тоскливо, но вслух недружелюбно ответила:

— Отпускает, потому что доверяет!

Но водитель уже затоковал, как глухарь. И как глухарь, никого не слышал, кроме себя самого. С виду он был вполне приличным мужиком, крепким, широкоплечим и довольно симпатичным, если бы убрал с лица самодовольную ухмылку. Заметив ее взгляд, таксист, видимо, решил, что полностью завладел ее вниманием, и расплылся в улыбке, блеснув золотым зубом.

«Фу, как пошло!» — поморщилась и мысленно упрекнула себя Даша. Она была крайне недовольна собой. Вместо того чтобы вовремя одернуть этого наглеца, развела с

ним тары-бары! Но ничего не успела сказать, водитель продолжал развивать тему взаимоотношений полов.

— Зря доверяет! — произнес он с чувством и покрутил пальцем у виска. — Любая баба спит и видит, как своему мужику рога наставить. Тем более сейчас везде только про секс и говорят. И по ящику, и в газетах, журнальчики всякие... — Воспоминание о журнальчиках прибавило масла в его глазах. Он окинул Дашу оценивающим взглядом. — А то давай сговоримся? Я сегодня меняюсь в восемь. Можно часа четыре погулять! Я хорошо зарабатываю! А потом к тебе в номер! И... — он изобразил непристойный жест, — до утра! Что, скажешь, мне силенок не хватит? Никто пока не жаловался!

— Останови! — произнесла Даша сквозь зубы. — Немедленно останови, тварь такая!

— Ты что? — поразился ее соблазнитель. — Испугалась?

— Останови! — почти выкрикнула она, едва сдерживаясь, чтобы не съездить по самодовольной роже. — Я выйду!

— Так на мосту же! — растерялся водитель. — Здесь нельзя.

— Остановишь сразу за мостом! И не шути! — Даша вытащила из сумочки газовую «беретту» и положила на колени.

— Ну, совсем дура баба, — произнес расстроенно водитель. — Чокнутая, однако! Я же пошутил!

— Я тоже пошутила! — Даша бросила ему на колени сотню. — Возьми, за моральный ущерб!

— Да ладно тебе, — водитель сконфуженно посмотрел на нее, — нельзя уж зубы поскалить! Красивая ты бабенка, и кольца нет! — кивнул он на свободную от рукавички правую руку Даши. — Жалко таких, однако!

— Ты себя жалеешь, меня не надо! — рассердилась Даша. — Много таких жалельщиков развелось!

— Ну, ты колючая, прямо как ежик! Ежик-злюка! У сына в книжке такой нарисован. Иголочки во все стороны торчат.